

ПО ТУ СТОРОНУ
Т Ъ М Ы

НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии *Я. Клыга*

Редактор серии *А. Осминина*

Иллюстрация на обложке — *Evigilatio*

Калинина, Наталья Дмитриевна.

К17 По ту сторону Тьмы : роман / Наталья Калинина. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-200906-8

Двадцать лет назад в провинциальном военном городке вдруг исчезли люди, а оставшихся жителей обнаружили мертвыми. Все указывает на то, что трагедия может повториться в наши дни: начинаются природные аномалии, в окнах пустых домов вспыхивает свет, а в парке приходят в движение сломанные аттракционы. Одновременно с этим пропадает певица Анфиса. Возможно, именно она могла бы пролить свет на происходящее, вот только кроме следователей ее ищут и те, кому лучше не переходить дорогу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200906-8

© Калинина Н., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

— ...Петь для меня — все равно что дышать. Если я перестану петь, то задохнусь...

(Из интервью Анфисы изданию «Музыка в нашей жизни»)

— **Н**ет, тут что-то не то... Никита запустил пятерню в копну каштановых кудрей и еще больше растрепал волосы, которые не могли усмирить ни расческа, ни укладочные средства. Марьяна неодобрительно покосилась на брата, но промолчала, только с излишне громким звоном опустила крышку на кастрюлю и выключила газ.

— Почему Анфиса так поступила? На пике карьеры? Внезапно?

— У нее могло быть сто причин! — не выдержала Марьяна, потому что Никита уже битый час долдонил на одну тему. Как ворвался в квартиру в десять утра, бухнулся на скрипнувший под ним табурет, так и долдонил. Марьяна уже успела и суп сварить, и угостить брата кофе с домашними кексами, и выслушать сто пятьдесят «почему?», а он все продолжал сыпать версиями, которые сам же и отметал.

— Никит, картошку на второе пожарить? Или лучше сварить?

— Угу. Как ты думаешь, она...

— Так пожарить или сварить? — перебила Марьяна, решив, что пора прекратить этот полный риторических вопросов монолог. Отчасти она понимала Никиту: если он загорался какой-нибудь темой, то пиши пропало. А тут журналистский интерес смешался с личным: брат был поклонником популярной певицы Анфисы, не пропустил ни одного концерта в Москве и чрезвычайно гордился тем, что однажды взял у нее интервью для журнала, в котором работал. Марьяне тоже нравилась талантливая певица, она даже сходила однажды с Никитой на концерт вместо девушки, с которой он расстался, поэтому новость об отмене тура огорчила. Однако брат в своем дотошном желании докопаться до причины поступка Анфисы перешел все границы.

— Так что с картошкой делать? — напомнила Марьяна.

— Пожарь! — коротко, будто отмахнувшись, ответил Никита и снова завел надоевшую пластинку: — Анфиса внезапно отменила все концерты и безоговорочно выплатила неустойку. А это знаешь какие деньжищи? Но она заплатила и... исчезла. Никто не знает ни что случилось, ни где она.

— Никита, она могла заболеть!

— В таком случае концерты не отменяют, а переносят. Анфиса не раз выступала с больным горлом и с температурой. Однажды у нее пропал голос прямо на сцене. Она очень переживала из-за переноса концертов, лично появлялась в Сети, отвечала на комментарии и сообщения. А сейчас — полная тишина. Только объявили, что можно вернуть билеты, и все.

— Никита, Анфиса в первую очередь — молодая женщина, которой могла надоесть публичность. Она могла тайно выйти замуж... — невольно втянулась в

обсуждение Марьяна, забыв об остывающем на плите супе. — Или, может, она ждет ребенка и поэтому ушла в тень.

О грядущей свадьбе популярной певицы и известного бизнесмена Дмитрия Шестакова раструбили все таблоиды. Папарацци преследовали молодую красивую пару, выискивая в их отношениях что-нибудь эдакое, из чего можно было бы раздуть сенсацию. Однако ни Анфиса, ни Дмитрий не давали поводов для скандала, и журналисты сами раздували слухи. Поэтому, когда на пальце Анфисы кто-то заметил кольцо, об этом не написал разве что неграмотный.

— Она разорвала помолвку! — воскликнул Никита, вскочил с места и заходил от окна к столу. Два шага туда, два — обратно. От движения легкая цветастая занавеска заколыхалась, будто на ветру.

— Ну, так, может, их «расставание» — это очередной фейк! Сколько уже раз в прессе «разводили» Шестакова и Анфису! Чаше, наверное, только нашу теннисистку и испанского певца.

— Марьяш, понимаешь, я не у конкурентов вычитал об этом, а получил информацию от проверенного человека. Никто еще не успел написать о том, что Анфиса и Шестаков расстались! Я первый.

Никита снова проверил через свой смартфон сайт журнала и торжествующе воскликнул:

— Вот! Уже! Опубликовали! Ну, теперь начнется! Сейчас засуетятся наши конкуренты... Но мы все равно первые! Я — первый.

Он тщеславно улыбнулся, и Марьяна недовольно поморщилась. Брата, который был младше ее на восемь лет, она очень любила. Но на правах старшей сестры привыкла одергивать, если ей казалось, что он поступал невоспитанно.

— Никита, тебе не кажется, что... — начала Марьяна, моментально «включив» строгий тон старшей сестры. Но Никита ее перебил:

— Не понял... Уже? Так быстро?

— Что быстро? Конкуренты ответили такой же новостью?

— Да нет... — Никита потыкал пальцем в экран смартфона, сощурился, а затем расплылся в довольной улыбке. — Офигеть! Ну точно! Лучшее подтверждение тому, что Анфиса и Шестаков расстались!

— Я не понимаю, Никит.

— Статью удалили! Она и пяти минут не провисела! А что это значит? А значит, засуетились люди Шестакова! И раз среагировали так быстро, то были наготове! Мониторили! Расставание Анфисы и Шестакова — не фейк!

— Ты так радуешься, будто собрался сам жениться на ней! — не удержалась от сарказма Марьяна. Но Никита, продолжая счастливо улыбаться, качнул лохматой головой:

— Не-ет. Не собрался. Марьяш, ты что, действительно не понимаешь? Все это очень странно! Ситуация с Анфисой неординарная!

— Погоди... — остановила его Марьяна, но не потому, что хотела поставить окончательную точку в теме, а из-за пришедшей в голову догадки. — А что, если это Дмитрий бросил Анфису и она ушла в тень? Отменила все концерты, взяла тайм-аут, чтобы пережить расставание?

— Хм... — призадумался Никита, похлопал себя пальцами по подбородку — по такой же ямочке, какая была и у сестры, и после паузы произнес: — Годная версия.

Он машинально обновил сайт журнала с телефона и вдруг подскочил на месте.

— Что за... Сайт лег! Совпадение? Или...

— Никит, ты теперь даже в том, что сайт оказался недоступен, будешь искать подвох? — усмехнулась Марьяна и поставила на плиту сковороду, чтобы нажарить обещанной картошки.

— Я хочу узнать, что случилось! Почему...

Договорить он не успел, потому что его мобильный разразился резким треньканьем. Марьяна поморщилась, но ничего не сказала.

— Что?! — воскликнул Никита кому-то в трубку так громко, что Марьяна чуть не выронила из рук нож, которым нарезала картофель на тонкие дольки. — Ты рехнулся?! — с неожиданным отчаянием выкрикнул Никита в трубку. — Але? Але?! Вот козел!

Марьяна с тревогой проследила за тем, как брат швырнул телефон на стол, а затем рухнул на табурет и обхватил голову руками.

— Никит, что случилось?

Он лишь помотал головой. Марьяна выключила огонь под сковородой и тихо придвинула к брату другой табурет.

— Ник?

Она ласково коснулась ладонью его спины, погладила осторожно и испуганно, боясь задавать вопросы. Но Никита наконец-то поднял голову, посмотрел на Марьяну расстроенным взглядом и горько усмехнулся:

— Меня уволили. Насколько я понимаю, как раз из-за этой новости.

* * *

— Значит, это случилось двадцать лет назад? — уточнила Вита и аккуратно переступила через прожаривший обрез металлической трубы, валявшийся в молодой траве. Роман его не заметил и обязательно

споткнулся бы, если бы не невольное «предупреждение» Виты.

— Да. А точнее, двадцать два. Мне тогда было семь лет. Я, конечно, мало что понимал из происходящего. Родители внезапно решились на переезд. Впрочем, папа давно просил о переводе ближе к столице и наконец-то его получил.

Вита кивнула, давая понять, что ничего странного в этом не видит. Роману и самому до какого-то момента перевод отца не казался подозрительным.

— Мне было жаль расставаться с этим местом. Городок хоть и небольшой, как многие гарнизоны, — одна улица из нескольких домов, школа, магазин и пара контор, но от нас было близко до этого парка аттракционов. Родители возили меня сюда почти каждые выходные.

— Сложно представить, что это все когда-то работало, — поежилась Вита, сунула руки в карманы и нахохлилась, став похожей на экзотическую птичку.

Ярко-малиновая прядь вздыбилась на затылке хохолком, ультракороткая стрижка напоминала оперение. Полы черного плаща Виты при ходьбе разлетались подобно крыльям. При этом она, пытаясь не споткнуться о каменные блоки, арматуру и обломки выцветших вывесок, аккуратно переставляла тонкие и длинные, будто у цапли, ноги, затянутые в малиновые колготки, и своей походкой еще больше вызывала ассоциации с птицей.

— Да-а, когда-то парк был полон жизни... — задумчиво протянул Роман и с сожалением покосился на вросший в землю остов лодки — остатки одного из аттракционов. Помнится, он очень любил кататься на лодочках и, может, раскачивал, жмурясь от восторга, именно эту.

— Черт! — громко выругалась Вита, потому что ветка поваленного на землю высохшего дерева оставила на ее колготках затяжку. Вита выставила ногу, оттянула пальцами ткань и снова выругалась, увидев, что затяжка увеличилась.

— Теперь только выбросить! — вздохнула она.

Роман не стал говорить, что раньше, в период тотального дефицита, девушки колготки не выбрасывали, а штопали. Он родился в тот год, когда огромная и нерушимая страна раскалывалась на неравнозначные обломки, привычная жизнь летела в тартарары, а новая казалась не столько светлой, сколько туманной. И пусть они выбрались из кризисов, привычка чинить порванные колготки осталась у мамы надолго.

— Значит, конец малинового периода? — не удержался Роман от подколки.

Вита метнула на него взгляд и хитро улыбнулась:

— У меня еще шесть пар есть! Я обычно покупаю сразу семь!

О необъяснимой страсти Виты к цветным колготкам Роман уже знал. И все бы ничего, но она каждый раз перекрашивала короткие волосы под их цвет. Фиолетовые колготки — фиолетовое «оперение», зеленые — волосы окрашивались в соответствующий оттенок. Слава богу, каждый цвет Вита носила не меньше пары недель, иначе от ежедневной «цветомузыки» Роман сошел бы с ума. Его давно подмывало спросить Виту, как она поступает летом, когда из-за жары носить плотные колготки невозможно. Бреется налысо? И хоть каждый раз он удерживался от вопроса, ожидал в один из дней увидеть ее с голым черепом — в «тон» голым ногам.

— Значит, говоришь, из домов на вашей улице стали исчезать люди? — вернула Вита разговор в нужное русло.

— Да. Происходило это не резко, а незаметно. Просто в какой-то вечер не зажглись окна одной квартиры в доме напротив. Потом — другой. Поначалу никто не придавал этому значения. Но потом, с каждым вечером, таких темных окон становилось все больше, и чернели они не только в доме напротив, но и в нашем. У нас была собака, помесь болонки и пуделя. Я гулял с нею днем, а вечером — кто-то из родителей. Однажды я услышал, как мама говорила папе, что в квартирах соседнего подъезда почти не осталось зажженных окон. А на улицах стало меньше народу. Например, мама уже несколько дней не видела знакомую продавщицу в хлебном отделе. Все это ее очень тревожило.

— Но люди могли куда-то переехать? Может, ваши дома массово расселяли?

— Ходили слухи, что часть собирались расформировать. Это вполне объясняло то, что поселок начал пустеть. К тому же я мог что-то не так понять из разговоров взрослых и навоображать себе бог знает что. К примеру, этот парк тогда мне казался огромным, а на самом деле он не такой уж и большой. Мне было семь-восемь лет, отсутствием воображения я, как и любой ребенок, не страдал и мог нафантазировать себе полностью опустевшие улицы и дома.

— И все же это оказалось не твоим воображением, — сказала Вита.

Дорога из разбитого асфальта, в трещины которого пробивалась трава, раздвоилась рогаткой. Одна дорожка заканчивалась покосившейся деревянной будкой кассы. Другая вела к автодрому. Когда-то здесь был шумный, привлекающий музыкой и светом аттракцион. Но сейчас это место представляло собой жалкое зрелище. Ржавые блоки ограды преданно охраняли периметр разрушенного временем, непогодами

и вандалами автодрома. Сильная в жажде жизни сорная трава смело пробивалась к свету, «разъедая» остатки металлического покрытия. Ветер в хулиганских порывах давно сорвал крышу павильона, оставив лишь каркас, за который еще цеплялись металлическими дугами мумии двух потерявших цвет машинок. Отчего-то Роману подумалось, что безысходность достигла пика именно здесь, а не возле замершего навсегда чертова колеса или синусоиды американских горок. Может, потому что этот аттракцион был его любимым, несмотря на то что ради нескольких коротких минут восторга приходилось выстаивать бесконечные минуты томительного ожидания в длиннющей очереди. Но здесь всегда играла музыка и было шумно. А еще упоительно пахло резиной и электричеством, и это был аромат счастья и детства. Роман не удержался от соблазна и перепрыгнул через оградку.

— Ром? — засомневалась Вита, и ее оклик вернул его в реальность. Он оглянулся и увидел, что Вита, подбрав полы плаща, примеряется к высоте ограждения.

— Колготы окончательно порвешь, — усмехнулся Роман.

— А, все равно выбрасывать! — беспечно отозвалась она и перелезла к нему на автодром. Вышло это у нее очень ловко — с ее длиннющими ногами.

— Как здесь страшно! Будто на кладбище.

— Ты права. Мы и находимся на кладбище, — согласился он, приблизился к одной из машинок и бросил короткий взгляд на сиденье. Нахальный росток неизвестного деревца пробился даже сквозь пластмассу. Смерть закольцевалась с жизнью — как и должно быть.

— Мне здесь не нравится, — сказала Вита и оглянулась через плечо, будто почувствовав чей-то взгляд. Странно, но до этого она вела себя спокойно, поездку в заброшенный парк аттракционов восприняла даже с энтузиазмом. Роман не стал ее мучить, тем более что и времени до встречи оставалось немного, перелез через ограду и помог перебраться Вите.

— Пошли отсюда, — сказал он, решив, что прогулка по парку на сегодня закончена, но чувствуя, что она продолжится в другой день. — Игорь Степанович вот вот подъедет.

— Значит, все рассказать сейчас мне не успеешь.

На ее губах играла кокетливая полуулыбка, но Роман не улыбнулся в ответ. Рассказать ей все — значит с разбегу нырнуть в омут давнего несчастья. За одними вопросами потянутся другие, и обязательно те, на которые он не желает отвечать ни ей, ни кому-либо другому. Но что-то рассказать Вите все равно придется, раз он втянул ее в это дело.

Роман молчал до самого выхода из парка. И когда они миновали широкую арку с разбитыми лампочками, тихо, будто сам себе, произнес:

— Ходили слухи, что в поселке иногда замечали тех, кто из него уехал.

— Люди возвращались?

— Возвращались, — кивнул Роман. — Но люди ли?

— Чего? — отшатнулась Вита и посмотрела на него испуганным взглядом, ожидая, что он рассмеется, скажет, что специально пугает ее. Но Роман лишь заговорщицки подмигнул и, завидев в конце аллейки грузную фигуру неторопливо идущего им навстречу мужчины, приветливо махнул рукой.

Глава 2

*— Кому в сложной ситуации вы
позвонили бы первому?*

*— Я привыкла полагаться на себя,
но если ситуация совсем сложная...
Рыжему.*

(Из интервью Анфисы журналу
«Мир шоу-бизнеса»)

Едва Анфиса включила смартфон, как тот разразился чередой трелей. Сорок девять сообщений и шестьдесят три пропущенных звонка. При том, что ее личный номер знали лишь несколько человек. Анфиса засомневалась, стоит ли открыть сообщения, но затем, так и не прочитав ни одного, решительно вытащила и разломила сим-карту пополам. Вот и все. С сухим хрустом симки будто треснула и ее жизнь. Как, оказывается, просто, в одну секунду, рушится все, что строилось годами: карьера, любовь, дружба. Теперь у нее нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее. И ее настоящее — наворачнувшиеся на глаза слезы и два крошечных обломка сим-карты на ладони. Анфиса сжала кулак, а затем, размахнувшись, забросила остатки пластика в кусты малины.

Не раскисать! Ситуация патовая, но это еще не финал.